

ИНОГДА
СНЫ ЗНАЮТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МЫ...

ЦЕНА СВОБОДЫ

— СЕЗОН 2 —

Толстиков

БЕЗОПАСНОСТЬ —
ЭТО ЗАБОТА.
ИЛИ
КОНТРОЛЬ?

*Камеры
не видят
всё...*

— Часть 1 —
ДОМ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

ТОМ 3
Уехать, пока дом спит

ИНОГДА
САМЫЕ КРАСИВЫЕ
ДВЕРИ
СКРЫВАЮТ
ПРАВДУ.

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ЖИЗНЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина

**Цена свободы. Сезон 2.
Толстиков. Часть 1. Дом с
открытыми глазами. ТОМ
3. Уехать, пока дом спит**

«Автор»

2026

Порошина Н. А.

Цена свободы. Сезон 2. Толстиков. Часть 1. Дом с открытыми глазами. ТОМ 3. Уехать, пока дом спит / Н. А. Порошина — «Автор», 2026

Лина понимает: камеры в доме установлены не ради безопасности. Алексей контролирует её деньги, звонки и каждый шаг, проверяет вещи и допрашивает Павла. Даже люди из его окружения оказываются лишь инструментами в заранее продуманных планах. После смерти дяди Юры остаётся загадочная записка: «Камеры не видят всё». Лина начинает тайно готовить уход, но Алексей замечает перемены. Первая попытка срывается, дом обрастает новыми глазами, а тревожные сны показывают страшный исход: Алексей забирает дочь, оставляя Лину в запертой машине. Чтобы спасти детей, ей придётся обмануть человека, который привык считать их своей собственностью, и уйти в короткий миг, когда дом ослепнет. «Уехать, пока дом спит» — третий том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики о любви, доверии и первых признаках опасности, которая превращает дом в ловушку. Основано на реальных событиях.

Содержание

Пролог. Три минуты темноты	5
Глава 21. Назначение каждого	18
Глава 22. Цена полезности	33
Глава 23. Дом замечает	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Надежда Порошина

Цена свободы. Сезон 2. Толстиков.

Часть 1. Дом с открытыми глазами.

ТОМ 3. Уехать, пока дом спит

Пролог. Три минуты темноты

В ту ночь дом уснул раньше людей.

Первыми погасли окна в соседних домах. Потом замолчала улица. Последняя машина проехала за воротами около полуночи, осветив забор и голые ветви яблони.

Её фары скользнули по стене спальни и исчезли.

Но красные точки продолжали гореть.

Одна — над воротами.

Вторая — в коридоре.

Третья — на кухне.

Они не моргали.

Не уставали.

Не отводили взгляд.

Лина лежала на краю кровати и слушала дыхание Алексея. Он спал на спине, закинув руку за голову. От него пахло пивом, табаком и чем-то металлическим — вероятно, инструментами, которыми он весь вечер работал в сарае.

Перед сном он снова проверил камеры.

Увеличил изображение двора.

Перемотал несколько записей.

Посмотрел, во сколько Лина выходила развешивать бельё, сколько времени провела возле машины и почему дважды открывала багажник.

— Искала коляску, — объяснила она.

— Она стоит в сарае.

— Я забыла.

— Ты в последнее время многое забываешь.

Потом он открыл приложение ещё раз, убедился, что все три красные точки горят, положил телефон под подушку и уснул.

Для него день закончился.

Для Лины — нет.

Она ждала.

Чего именно, не знала.

Возможно, момента, когда дыхание Алексея станет ровным.

Возможно, знака.

Возможно, собственной решимости.

Юля спала в кровати у стены. Иногда вздрагивала, поджимала губы и шевелила маленькими пальцами, словно пыталась удержать что-то, увиденное во сне.

Павел находился в соседней комнате.

Дверь была открыта до стены.

Так требовал Алексей.

Полностью открытая дверь означала, что ребёнку нечего скрывать.

Лина осторожно перевернулась на бок.

Пружины едва слышно скрипнули.

Алексей сразу изменил дыхание.

Она замерла.

Несколько секунд он лежал неподвижно, затем провёл ладонью по простыне, нащупал её бедро и успокоился.

Даже во сне проверил, на месте ли она.

Лина закрыла глаза.

Не сегодня.

Эти слова она говорила себе уже много ночей подряд.

Не сегодня, потому что документы ещё не собраны.

Не сегодня, потому что Юля кашляла.

Не сегодня, потому что в баке мало бензина.

Не сегодня, потому что Павлу утром в школу.

Не сегодня, потому что Алексей может проснуться.

Причин оставаться всегда находилось больше, чем причин уходить.

Возможно, поэтому люди годами живут в домах, из которых давно хотят сбежать.

Дверь существует.

Ключ лежит рядом.

Но между кроватью и выходом вырастает тысяча маленьких «не сегодня».

Лина открыла глаза.

Красная точка в коридоре была видна через дверной проём.

Она смотрела прямо на спальню.

Потом в стене раздался стук.

Три коротких удара.

Тук.

Тук.

Тук.

Лина задержала дыхание.

Соседняя половина дома была пустой.

После смерти дяди Юры туда почти никто не заходил. Алексей запер дверь, убрал часть вещей и снова забил досками внутренний проход.

За стеной больше не кашляли.

Не двигали стул.

Не включали старый радиоприёмник.

Никто не стучал тростью, пытаясь позвать на помощь.

И всё же удары повторились.

Тук.

Тук.

Тук.

Алексей не проснулся.

Лина медленно села.

Комната качнулась.

Не от движения.

От усталости.

Она посмотрела на Юлю, потом на спящего мужа.

Телефон Алексея лежал под подушкой. Часть корпуса выступала наружу. Если она встанет, камера в коридоре зафиксирует движение. Если выйдет на кухню, загорится уведомление. Телефон завибрирует.

Он откроет глаза.
Спросит:
— Ты куда?
Даже ночью любое движение требовало объяснения.
Лина опустила ноги на пол.
Красная точка повернулась.
Тихо щёлкнул внутренний механизм.
Алексей продолжал спать.
Она поднялась.
Сделала один шаг.
Потом второй.
Прошла мимо детской кровати и оказалась в коридоре.
Красная точка смотрела на неё сверху.
Лина подняла голову.
— Я просто за водой, — прошептала она.
Камера ничего не ответила.
Ей не нужно было отвечать.
Достаточно было запомнить.

На кухне горела лампочка над плитой.
Лина налила воду, но пить не стала.
На столе лежала её сумка. Обычная, тёмная, достаточно большая, чтобы вместить документы, несколько вещей, лекарства и зарядные устройства.
Пока она была пустой.
Точнее, должна была быть пустой.
Лина открыла молнию.
Внутри лежал зелёный ключ.
Она нахмурилась.
Ключ хранился в прихожей, на крючке возле зеркала. Лина хорошо это помнила: вечером Алексей сам повесил его туда и сказал:
— Не таскай по карманам. Потеряешь.
Она взяла ключ.
Металл оказался холодным.
Красная точка на кухне повернулась к её руке.
Лина посмотрела вверх.
— Это ты положил? — спросила она у пустой комнаты.
В стене раздалась три удара.
Тук.
Тук.
Тук.
Лампочка над плитой погасла.
Следом отключился холодильник.
Замолчал роутер.
Красная точка камеры дрогнула и исчезла.
Темнота пришла сразу.
Густая.
Полная.
Лина не видела ни двери, ни стола, ни собственной руки.

Из спальни не донеслось ни звука.

Она нащупала телефон, лежавший рядом с сумкой, и нажала кнопку.

Экран не загорелся.

— Паша?

Тишина.

— Павел!

Никто не ответил.

Она пошла к двери, выставив руки перед собой. Но вместо дверного проёма ладони упёрлись в холодную стену.

Лина отступила.

Попробовала снова.

Стена.

Дверь исчезла.

Дом изменился.

Когда глаза привыкли к темноте, впереди появилась тонкая полоса света.

Вертикальная.

Потом ещё одна.

Две двери стояли посреди кухни там, где раньше находился стол.

На первой горела надпись:

УЙТИ СЕЙЧАС.

На второй:

ДОЖДАТЬСЯ ПРАВИЛЬНОГО ДНЯ.

Между ними стояла девочка.

Теперь Лина видела её отчётливее, чем в прежних снах.

Тёмные волосы падали на плечи. На ней было светлое платье, слишком тонкое для холодного дома. Лицо уже не казалось лицом маленького ребёнка. Девочка стала старше — или будущее подошло ближе.

— Ты положила ключ? — спросила Лина.

— Ты.

— Я не помню.

— Потому что ещё не сделала этого.

— Значит, это сон?

— Это возможность.

— Какая из них?

Девочка посмотрела на двери.

— Обе.

— Так не бывает.

— Будущее не обязано быть одним.

Лина подошла к первой двери.

— Если я уйду сейчас, что произойдёт?

— Открой.

Она вставила зелёный ключ в замок.

На этот раз он подошёл.

За дверью находился тот же дом, только погружённый в полную темноту.

Лина увидела себя со стороны.

На ней была куртка поверх домашней одежды. В одной руке — чёрная сумка, в другой — Юля, завернутая в одеяло.

Рядом стоял Павел.
Бледный.
Полностью одетый.
С синей машинкой в руке.
— Тише, — говорила будущая Лина. — Осталось немного.
Они прошли по коридору.
Камеры не горели.
Алексей спал.
У входной двери Лина достала ключ и попыталась открыть замок.
Ключ не повернулся.
Она попробовала снова.
Павел оглянулся в сторону спальни.
— Мам, быстрее.
— Не получается.
— Он идёт.
— Он спит.
— Нет.
За спиной раздались шаги.
Медленные.
Спокойные.
Лина повернулась.
Алексей стоял в конце коридора.

Но одновременно она видела его через открытую дверь спальни: он по-прежнему лежал на кровати.

Один Алексей спал.
Второй приближался.
— Куда собрались? — спросил он.
Будущая Лина сильнее дёрнула ключ.
Замок не поддался.
— Открой дверь.
— Она и так открыта, — ответил Алексей.
— Нет.
— Ты можешь уйти только из того дома, в котором меня нет.
Он поднял телефон.
Красная точка на экране вспыхнула.
Камеры ожили одновременно.
Павел прижал машинку к груди.
Юля заплакала.
На запястье Лины сомкнулись пальцы Алексея.
Первая дверь захлопнулась.
Зелёный ключ остался внутри замка.

— Это произойдёт, если я уйду сегодня? — спросила Лина.
— Это произойдёт, если ты согласишься, что достаточно просто открыть дверь.
— А разве недостаточно?
— Ты выйдешь из дома. Но дом останется внутри тебя.
— Что это значит?

— Ты продолжишь объяснять каждый шаг. Отчитываться. Просить разрешения. Бояться его голоса, даже когда его нет рядом.

Лина посмотрела на вторую дверь.

ДОЖДАТЬСЯ ПРАВИЛЬНОГО ДНЯ.

— А там?

— Открой.

Зелёный ключ снова лежал у неё на ладони.

За второй дверью было утро.

Лина увидела новую квартиру.

Светлые стены.

Коробки с вещами.

Чашку на подоконнике.

Павел сидел на полу и раскладывал машинки. Синяя стояла первой.

Юля спала в коляске.

На окнах не было камер.

Дверь в комнату Павла была закрыта.

Лина стояла у кухонного стола и смотрела на телефон.

Экран был заполнен сообщениями:

Где вы?

Немедленно ответить.

Ты не имеешь права.

Я уже еду.

Затем раздался стук в дверь.

Не три коротких удара.

Один сильный.

Пауза.

Ещё два.

Ручка дёрнулась.

— Лина, открывай!

Павел перестал играть.

— Он нашёл нас.

— Тихо.

— Он же не знает адрес.

Лина посмотрела на окно.

Во дворе стояла машина Алексея.

Он поднял голову точно к их этажу.

На его телефоне двигалась красная точка.

Не камера.

Отметка на карте.

Геолокация.

— Я всё вижу, — произнёс он, хотя между ними были стекло, высота и закрытая дверь.

Будущая Лина схватила телефон.

На экране вспыхнула дата.

Она была отчётливой.

День.

Месяц.

Год.

Даже время — шесть часов семнадцать минут.

— Значит, в этот день нельзя уходить? — спросила Лина.

Девочка не ответила.

Алексей за дверью ударил сильнее.

— Ты сама всё усложняешь! Открой, и поговорим нормально!

Ручка повернулась.

Замок щёлкнул.

Вторая дверь захлопнулась прежде, чем Лина увидела, кто открыл её с другой стороны.

Они снова стояли в тёмной кухне.

— Какое будущее настоящее? — спросила Лина.

— Оба.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что я не могу одновременно остаться и уйти.

— Ты каждый день делаешь и то и другое.

— Я остаюсь.

— Телом.

— А чем ухожу?

Девочка коснулась её лба.

— Сюда он уже не всегда может войти.

Лина отступила.

— Если оба будущих возможны, зачем ты показываешь их мне?

— Чтобы ты увидела последствия.

— Мне нужна инструкция.

— Нет.

— Мне нужно знать, когда отключить камеры, куда ехать, что взять. Мне нужно знать, когда он вернётся. Когда будет безопасно.

— Безопасного дня не будет.

— Тогда как я уйду?

— Не так, как увидела.

— Ты показала мне ложь?

Девочка впервые улыбнулась.

Не весело.

Почти печально.

— Будущее не лжёт. Оно меняется.

— Само?

— Иногда.

— А иногда?

— Его меняют.

Лина посмотрела на две двери.

— Значит, мне нужно выбрать одну?

— Нет.

— Но других нет.

— Пока ты ждёшь, что их создаст кто-то другой.

Девочка подошла к стене между дверями.

Положила ладонь на пустое место.

Стена дрогнула.

По ней прошла тонкая трещина.

— Что там? — спросила Лина.

— Третий вариант.
— Покажи.
— Не могу.
— Почему?
— Потому что его ещё нет.
— Тогда откуда ты знаешь, что он появится?
Девочка взяла Лину за руку и приложила её ладонь к трещине.
Стена оказалась тёплой.
С другой стороны что-то билось.
Не механизм.
Сердце.
— Потому что ты уже начала его создавать.

В доме вспыхнул свет.
Красные точки ожили.
Холодильник загудел.
Роутер замигал.
Телефон на столе включился сам.
На экране появились цифры:
03:00
Они сменились:
02:59
Обратный отсчёт.
— Что это? — спросила Лина.
— Время, когда дом ничего не видит.
— Почему только три минуты?
— Потому что иногда свобода начинается не с долгой дороги.
Цифры менялись.
02:41
02:40
— А с чего?
— С момента, когда человек перестаёт ждать разрешения.
Лина оглянулась.
Двери исчезли.
Вместо них снова стоял кухонный стол.
На нём лежали вещи:
паспорта;
свидетельства о рождении;
банковские карты;
лекарства;
зарядное устройство;
детская одежда;
ключи от машины;
синяя машинка;
листок дяди Юры.
Лина развернула его.
Буквы были крупными, неровными:
КАМЕРЫ НЕ ВИДЯТ ВСЁ.

**НО ОН ДУМАЕТ, ЧТО ВИДЯТ.
ПОТОМ.**

Под последним словом проступила новая строка.

Раньше её не было.

НЕ ЖДИ, КОГДА ДОМ РАЗРЕШИТ ТЕБЕ УЙТИ.

— Этого Юра не писал, — сказала Лина.

— Нет.

— Тогда кто написал?

Девочка посмотрела на неё.

— Ты.

Обратный отсчёт продолжался.

01:54

01:53

Из спальни донёсся голос Алексея:

— Лина!

Она вздрогнула.

— Он проснулся.

— Пока нет.

— Я слышала.

— Это голос, который ты носишь с собой.

— Лина!

Теперь он звучал из коридора.

Потом из камеры.

Из телефона.

Из стен.

— Ты где?

— Почему не отвечаешь?

— Что ты делаешь?

— Кто тебе разрешил?

— Куда собралась?

Красные точки начали приближаться.

Они отделились от камер и поплыли по воздуху. Десятки огней окружили Лину.

Девочка оставалась внутри круга.

— Они всё увидят, — прошептала Лина.

— Нет.

— Их слишком много.

— Количество глаз не превращает наблюдение в понимание.

— Он узнает, что я готовлюсь.

— Только если ты будешь готовиться так, как он ожидает.

— Он проверяет всё.

— Он проверяет то, что считает важным.

— А что он не считает важным?

Девочка указала на синюю машинку.

— Игрушку.

Потом на детские рисунки.

— Память ребёнка.

На пакет с подгузниками.

— Материнскую заботу.

На листок Юры.

— Слова человека, которого больше нет.

Наконец она указала на Лину.

— И тебя.

— Он следит за мной постоянно.

— Он следит за твоей ролью.

— В чём разница?

— Он видит жену. Мать. Рабочие руки. Деньги. Порядок. Ужин на столе. Он не видит человека, который может перестать быть всем этим для него.

Обратный отсчёт показывал:

00:47

Красные точки придвинулись ближе.

— Что произойдёт, когда время закончится?

— Дом снова начнёт смотреть.

— А если я не успею?

— Тогда будешь ждать следующей темноты.

— Когда она наступит?

— Когда ты её создашь.

00:30

Из комнаты Павла раздался плач.

Не детский.

Сдавленный, взрослый.

Лина побежала к нему, но пол растянулся. Дверь отдалялась с каждым шагом.

— Паша!

— Мам!

— Я здесь!

— Он идёт!

Из спальни вышел Алексей.

Телефон был в одной руке.

Зелёный ключ — в другой.

— Ты что-то задумала? — спросил он.

00:18

Лина повернулась к девочке.

— Помоги мне.

— Я уже помогаю.

— Как?

— Показываю, что будет, если ты снова решишь, будто одна не справишься.

00:12

Алексей приближался.

— Отдай ключ, — сказала Лина.

— Какой?

Он разжал ладонь.

Ключа не было.

Он оказался в руке самой Лины.

00:07

00:06

00:05

Она бросилась к двери.

На этот раз замок повернулся.

За дверью не было ни двора, ни улицы.

Только тёмная дорога.
Без домов.
Без камер.
Без указателей.
— Куда она ведёт? — спросила Лина.
Девочка встала рядом.
— Туда, где ещё ничего не решено.

00:03

— Ты пойдёшь со мной?
— Я уже там.

00:02

— Кто ты?
Девочка посмотрела на неё.
На мгновение в её лице Лина увидела младенческие черты Юли.
Потом — собственное отражение.
Потом незнакомую взрослую женщину.
— Та, которую ты спасёшь, если уйдёшь.

00:01

Свет погас.

Лина проснулась, резко вдохнув.
В спальне было темно.
Алексей спал рядом.
Юля тихо сопела в кровати.
Из комнаты Павла не доносилось ни звука.
Красная точка в коридоре горела.
Лина посмотрела на часы.
03:03.
Она медленно села.
Сон был настолько ясным, что несколько секунд она продолжала чувствовать в ладони холод металла.

Потом опустила руку.
Зелёный ключ действительно лежал на простыне.
Рядом с её пальцами.
Лина не двигалась.
Она точно помнила: вечером Алексей повесил его в прихожей.
Возможно, потом сама взяла.
Возможно, принесла спросонья.
Возможно, всё ещё спала.
За стеной раздались три коротких удара.
Тук.
Тук.
Тук.
Алексей повернулся на бок.
— Ты чего не спишь? — пробормотал он.
Лина накрыла ключ ладонью.
— Юлю проверяла.
— Она плачет?

— Нет.

— Тогда спи.

Его дыхание снова стало ровным.

Лина дождалась, пока он уснёт глубже.

Потом встала, прошла в коридор и посмотрела на камеру.

Красная точка повернулась к ней.

— Я никуда не собираюсь, — тихо сказала Лина.

Это была первая правильная ложь.

Она прошла на кухню, открыла тёмную сумку и положила ключ на дно.

Не документы.

Не одежду.

Пока только ключ.

Первую вещь из будущего, которого ещё не существовало.

Камера наблюдала за ней.

Но не могла увидеть, что именно изменилось.

Лина застегнула молнию и вернулась в спальню.

Дом снова был тихим.

Снаружи он казался спящим.

Только теперь Лина знала:

дома не спят.

Они просто иногда закрывают глаза.

На три минуты.

Этого могло оказаться достаточно.

Глава 21. Назначение каждого

Утром зелёного ключа в сумке не оказалось.

Лина обнаружила это, когда Алексей ушёл во двор.

Она дождалась, пока за окном заскрипит дверь сарая, прислушалась к звуку работающего шуруповёрта и только потом открыла сумку.

На дне лежали детские салфетки, зарядное устройство, старая записная книжка и запасная соска.

Ключа не было.

Лина проверила боковой карман.

Потом внутренний.

Высыпала всё на кровать.

Ничего.

Воспоминание о ночи было ясным: холодный металл в ладони, тёмный коридор, красная точка камеры, молния сумки. Она помнила даже тихий звук, с которым ключ упал на дно.

Но теперь он снова висел в прихожей.

На своём месте.

Алексей мог найти его и вернуть.

Однако тогда он обязательно спросил бы, зачем Лина положила ключ в сумку. Мог разбудить её, проверить содержимое, устроить допрос.

Он ничего не сказал.

Значит, либо ключ вернулся сам, либо сон продолжался дольше, чем Лина думала.

Она сложила вещи обратно и застегнула сумку.

На кухне заплакала Юлия.

Плач был негромким, ещё сонным. Девочка несколько раз всхлипнула, словно проверяя, услышит ли её кто-нибудь, а потом закричала в полный голос.

— Иду, — отозвалась Лина.

Шуруповёрт во дворе продолжал работать.

Она подняла дочь из кроватки.

— Что случилось? Голодная?

Юля искала губами грудь и сердито размахивала кулачками.

Лина села с ней на диван.

Спина сразу напомнила о себе тупой болью. Ночью она вставала четыре раза. Утром приготовила завтрак, собрала Павла, постирала детские вещи, вымыла пол в коридоре, потому что Алексей прошёл там в грязных ботинках.

Теперь нужно было развесить бельё, приготовить обед и перебрать картошку, которую он вчера принёс из подвала.

— Лина! — крикнул Алексей со двора.

Она не ответила.

Юля только начала есть.

— Лина!

— Что?

— Подойди!

— Я кормлю!

Несколько секунд было тихо.

Потом хлопнула дверь.

Алексей вошёл на кухню с рулеткой в руке. На рабочей одежде белела строительная пыль.

— Я зову.

— Я слышала.

— Почему не подходишь?

Лина посмотрела на ребёнка.

— Потому что кормлю.

— Можно было сразу сказать.

— Я сказала.

— Со второго раза.

Юля выпустила грудь и заплакала.

Лина поправила пелёнку.

— Что ты хотел?

— Под навесом доски лежат. Их надо переложить, пока дождь не начался.

— Я сейчас не могу.

— Когда сможешь?

— Не знаю. Юлю докормлю, потом уложу.

— Паша поможет.

— Он уроки делает.

— Потом сделает.

— Лёш, ему завтра в школу.

— И что? Пять досок перенести — не весь день.

— Тогда перенеси сам.

Он посмотрел на неё так, словно она предложила что-то нелепое.

— Я сарай обшиваю.

— Значит, доски могут подождать.

— Потом намокнут.

— Накрой их.

— Ты всегда найдёшь причину ничего не делать.

Лина медленно подняла глаза.

— Ничего?

— Я не в прямом смысле.

— А в каком?

— Не начинай. Я попросил помочь.

— Я держу твоего ребёнка.

— Не только моего.

— Поэтому я и кормлю её.

Алексей раздражённо выдохнул.

— Хорошо. Докорми. Потом выйдешь.

Он развернулся.

— Я не обещала.

Остановился.

Несколько секунд стоял к ней спиной.

— Что с тобой происходит в последнее время?

— Я устала.

— От чего?

Вопрос прозвучал искренне.

Он действительно не понимал.

Лина посмотрела на наполненную раковину, сушившиеся на батарее пелёнки, кастрюлю на плите, раскрытую школьную тетрадь Павла и ребёнка у груди.

— Ни от чего, — ответила она.

— Вот именно.

Он вышел.
Дверь хлопнула.
Юля снова заплакала.

Павел появился на кухне через несколько минут.

— Он злится?
— Уже нет.
— Он сказал мне доски переносить.
— Сначала закончи уроки.
— Но он придёт проверять.
— Я с ним поговорю.

Павел посмотрел на дверь.

— Лучше я быстро.
— Паш.
— Там немного.

Он уже переоделся в старые брюки. На локтях ткань протёрлась, колени были в следах засохшей земли.

— Ты когда успел переодеться?

— Пока вы разговаривали.

Он произнёс это спокойно, будто речь шла о привычном действии.

Услышать голос Алексея.

Понять, что требуется работа.

Подготовиться раньше, чем распоряжение повторят громче.

— Тебе не нужно угадывать его желания, — сказала Лина.

— Я не угадываю. Он всегда хочет, чтобы мы что-нибудь делали.

Она не нашла ответа.

Павел взял на подоконнике рабочие перчатки.

— Уроки закончи.
— Потом.
— Ты сам хотел сегодня поиграть.
— Я успею.

Он не успеет.

После досок Алексей найдёт ветки возле забора, старые гвозди или мусор в сарае. Потом Павлу придётся доделывать уроки. Затем ужин, душ, подготовка одежды на завтра.

Детство откладывалось в этом доме так же легко, как отдых Лины.

На потом.

Всегда на потом.

— Останься, — сказала она. — Я сама выйду.

— У тебя Юля.

— Уложу её и выйду.

— Алексей будет кричать.

— Пусть.

Павел замер.

Слово прозвучало в доме непривычно.

Пусть.

Будто крик можно было не предотвращать.

Будто он не являлся стихийным бедствием, перед которым все обязаны заранее закрыть окна и убрать вещи.

— Ты не бойся, — сказала Лина.

— Я не боюсь.

Но перчатки он положил обратно слишком быстро.

Юля уснула только через сорок минут.

Лина осторожно переложила её в кроватку, задержала ладонь на маленькой груди и дождалась ровного дыхания.

Потом вошла в комнату Павла.

Дверь была открыта.

Мальчик сидел за столом и решал задачу. В тетради появились несколько зачёркнутых строк.

— Получается?

— Да.

— Покажи.

Он подвинул тетрадь.

Решение было правильным.

— Молодец.

Павел улыбнулся.

Из двора донёсся голос Алексея:

— Паша!

Улыбка исчезла.

Лина вышла в коридор.

— Он делает уроки!

— Я на минуту!

Она подошла к двери.

Алексей стоял возле сложенных досок. Пиво находилось на старом табурете рядом с инструментами.

— Я сама помогу, — сказала Лина.

— Тебе нельзя тяжёлое.

— Тогда зачем зовёшь ребёнка?

— Он не беременный.

— Он делает уроки.

— Потом доделает.

— Нет.

Алексей выпрямился.

— Что — нет?

— Сначала уроки. Потом, если останется время, поможет.

— Я сам решу, когда мне нужна помощь.

— А я решу, когда моему сыну делать уроки.

— Опять «моему».

— Потому что учёбой занимаюсь я.

— А я, по-твоему, кто здесь?

Лина посмотрела на него.

Вопрос был задан как требование назвать должность.

Хозяин.

Муж.

Мужчина.

Человек, чьи решения не обсуждаются.

— Ты Алексей, — сказала она.
Он усмехнулся.
— Очень смешно.
— Я не шучу.
— Это и пугает.
Он взял бутылку и сделал несколько глотков.
— Ладно. Не нужен мне никто. Сам всё сделаю.
— Хорошо.
— Конечно, хорошо. Вам всегда хорошо, когда я один вкалываю.
Лина почувствовала знакомое желание объяснить.
Сказать, что она встала в пять утра.
Что ночью почти не спала.
Что Павел учится.
Что еда сама не готовится, бельё не стирается, дети не растут без участия.
Но объяснения не меняли его представления о работе.
Настоящей он считал только ту, которую выполнял сам.
Доски.
Забор.
Сарай.
Бетон.
Всё остальное будто происходило естественным образом.
Продукты превращались в ужин.
Грязная одежда — в чистую.
Плачущий младенец — в спящего.
Ребёнок с задачами — в школьника с выполненными уроками.
Дом обслуживал себя.
Лина просто находилась внутри.
— Я вернусь к детям, — сказала она.
— Иди.
— Если понадобится что-то нетяжёлое, позови позже.
— Уже не надо.
Она закрыла дверь.
Через несколько секунд шуруповёрт заработал снова.

К обеду начался дождь.
Доски остались под навесом и не намокли.
Алексей вошёл на кухню, снял куртку и повесил её на спинку стула.
— Есть будем?
— Через десять минут.
Он открыл холодильник.
— Пива нет?
— Одна бутылка внизу.
— Почему одна?
— Потому что остальные закончились.
— Я вижу, что закончились. Купить нельзя было?
— Я с Юлей никуда не выходила.
— Паша мог сходить.
— Он уроки делал.

— Опять уроки.

Алексей достал последнюю бутылку.

— Такое ощущение, что у вас школа важнее всего.

— Для ребёнка она действительно важнее твоего пива.

Он медленно закрыл холодильник.

— Не говори со мной таким тоном.

— Каким?

— Будто я алкоголик.

Лина промолчала.

— Я спросил, почему не купили.

— Я ответила.

— Можно было написать. Я бы заехал.

— Хорошо. В следующий раз напишу.

— Всё приходится напоминать.

Он сел за стол.

Павел вошёл следом и занял своё место.

— Дверь в комнате оставил открытой? — спросил Алексей.

— Да.

— Полностью?

— Да.

— Проверю.

Павел взял ложку.

— Зачем проверять, если он ответил? — спросила Лина.

— А что?

— Ты ему не веришь?

— Доверяй, но проверяй.

— Тогда зачем спрашивать?

Алексей открыл бутылку.

— Что ты сегодня ко всему цепляешься?

— Я просто спрашиваю.

— Ты не спрашиваешь. Ты пытаешься устроить конфликт.

Лина поставила перед ним тарелку.

— Ешь.

— Вот и поговорили.

Несколько минут слышался только стук ложек.

Юля спала в кровати возле стены. За окном шёл дождь. Камера под потолком медленно следила за движением Лины между столом и плитой.

Алексей поел первым.

Отодвинул тарелку.

— Кстати, завтра Вадим заедет.

— Зачем?

— Прицеп привезёт. Надо старый металл вывезти.

— Хорошо.

— Паша поможет грузить.

Мальчик замер с ложкой у рта.

— Завтра школа, — сказала Лина.

— После школы.

— У него тренировка.

— Пропустит один раз.

- Не пропустит.
Алексей посмотрел на Павла.
— Сам скажи. Тебе тренировка важнее, чем семье помочь?
Павел переводил взгляд с него на мать.
— Не отвечай, — сказала Лина. — Мы уже решили, что ты идёшь.
— Кто решил?
— Я и Павел.
— Без меня.
— Это его тренировка.
— Он живёт в моём доме.
— И поэтому не может заниматься тем, что ему нравится?
— Может. Когда дела сделаны.
— Эти дела никогда не заканчиваются.
— Потому что вы делаете их из-под палки.
Павел положил ложку.
— Я могу пропустить.
— Не можешь, — сказала Лина.
— Мне не трудно.
— Я сказала: пойдёшь.
Алексей усмехнулся.
— Вот видишь. Ты сама решаешь за ребёнка, но мне запрещаешь.
— Я не решаю. Я не позволяю заставлять его отказываться от того, что для него важно.
— Разница только в красивых словах.
Он поднялся.
— Ладно. Сам погружу.
— Ты для этого и позвал Вадима?
— Прицеп его.
— Он друг?
Алексей посмотрел на неё с раздражённым удивлением.
— Опять?
— Просто спрашиваю.
— Какая тебе разница?
— Никакой.
— Тогда зачем спрашивать?
Лина убрала тарелки.
— Вадим помогает тебе с машиной и прицепом. Сергей — с камерами. Игорь — с проводкой. Санька — со стройматериалами.
— И что?
— Ничего.
— Договаривай.
— Мне интересно, есть ли среди них человек, с которым ты общаешься просто потому, что он тебе нравится.
— Мы это уже обсуждали.
— Я не помню ответа.
— Потому что тебе ответ не нравится.
Алексей отпил пива.
— Взрослые люди всегда друг другу зачем-то нужны. Даже если сами этого не понимают.
— А если человек ничем не может помочь?
— Тогда зачем тратить на него время?

Павел смотрел в тарелку.

Лина спросила:

— Дядя Юра мог тебе чем-то помочь после инсульта?

Алексей нахмурился.

— При чём здесь Юра?

— Он почти не мог говорить. Не мог работать. Ему самому была нужна помощь.

— Я помогал.

— Как?

— Он жил здесь.

— В своей половине дома.

— Я занимался документами, больницей.

— Я собирала вещи и лекарства.

— Потому что ты женщина. У вас это лучше получается.

— А ты ездил к нему несколько раз.

— Мне работать надо было.

— Ты просто не понимал, что делать рядом с человеком, который больше не мог быть полезен.

Алексей поставил бутылку на стол.

— Следи за словами.

— Я слежу.

— Плохо следишь.

Юля проснулась от его голоса и заплакала.

Алексей раздражённо повернулся к кровати.

— Вот. Разбудили.

Лина подняла дочь.

— Мы?

— Ты начала этот разговор.

— Конечно.

— Не конечно, а так и есть.

Он вышел из кухни.

Камера повернулась за ним.

Павел продолжал сидеть.

— Можно я пойду в комнату? — спросил он.

— Конечно.

— Дверь оставить открытой?

Лина посмотрела на красную точку.

— Пока да.

Он ушёл.

Слово «пока» осталось в кухне вместе с ней.

После обеда Алексей уехал с Вадимом.

Во двор въехала машина с прицепом. Мужчины некоторое время ходили вокруг старого металла, обсуждали, что грузить первым.

Вадим поздоровался с Линой.

— Как малышка?

— Хорошо.

— Не спите, наверное?

— Иногда.

Он улыбнулся.

— Ничего. Вырастет.

Алексей вышел из сарая с двумя ржавыми листами.

— Что стоишь? Помоги край взять.

Вадим сразу подошёл.

Они погрузили металл, потом трубы и старую сетку.

Когда работа закончилась, Алексей принёс из дома пиво.

— Держи.

Вадим взял бутылку.

— Я за рулём.

— Одну можно.

— Не, я не пью за рулём.

Алексей пожал плечами.

— Как знаешь.

Они стояли возле прицепа и разговаривали.

— Слушай, — сказал Алексей, — на следующей неделе ещё песок нужен будет.

— Я занят.

— Вечером.

— Посмотрю.

— Ты мне нужен с машиной часа на два.

Фраза прозвучала настолько прямо, что Лина невольно подняла голову.

Вадим усмехнулся:

— Хоть честно.

— А чего юлить? У тебя машина, у меня стройка.

— А если машину продам, перестанешь звонить?

Алексей рассмеялся.

— Тогда новую купишь.

Вадим тоже улыбнулся, восприняв слова как шутку.

Только Лина знала, что Алексей не шутил.

Когда машина уехала, он долго смотрел ей вслед.

— Надо с ним отношения не портить, — сказал Алексей. — Таких людей рядом держать полезно.

— Он так же думает о тебе?

— Неважно.

— Почему?

— Главное — понимать, что человеку нужно, и давать ему это понемногу.

— А ему что нужно?

— Чувствовать, что его ценят.

— Но ты ценишь машину.

Алексей повернулся к ней.

— Лина, ты иногда специально делаешь вид, что не понимаешь простых вещей?

— Нет. Наоборот. Начинаю понимать.

Его взгляд стал внимательнее.

— Что именно?

Юля зашевелилась у неё на руках.

Лина поправила одеяло.

— Что у каждого человека рядом с тобой есть назначение.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Алексей улыбнулся.

— Ну наконец-то.

Её удивила не сама фраза.

Облегчение в его голосе.

Он не отрицал.

Не оправдывался.

Будто Лина наконец усвоила важное правило взрослой жизни.

— И какое назначение у тёти Нины? — спросила она.

— Мы это уже обсуждали.

— Участок.

— Не только.

— А что ещё?

— Она за домом присматривает, когда нас нет. Соседка должна быть на нашей стороне.

— Она считает тебя почти сыном.

— Это удобно.

Лина почувствовала тошноту.

— Удобно?

— В хорошем смысле.

— Какой хороший смысл может быть у этого слова?

— Она не пустит чужих, позвонит, если кто-то придёт, присмотрит за двором. Я ей тоже помогаю.

— Она не знает, что ты каждый день пьёшь.

— Ей это знать необязательно.

— Потому что может перестать считать тебя хорошим?

— Потому что незачем расстраивать пожилого человека.

Он говорил спокойно.

Так спокойно, что Лина почти усомнилась в собственном ощущении жестокости.

— А если она узнает?

— От кого?

Вопрос прозвучал иначе.

Не любопытно.

Предупреждающе.

Лина прижала Юлю крепче.

— Не знаю.

— Вот и не надо придумывать.

Алексей взял пустые бутылки и пошёл к дому.

Вечером Лина открыла холодильник.

Молока почти не осталось. Заканчивались яйца, масло и детское питание. На нижней полке стояли четыре новые бутылки пива.

Алексей успел купить их по дороге.

— Нужно в магазин, — сказала она.

— Я только что оттуда.

— Продукты заканчиваются.

— Какие?

Она перечислила.

— До завтра хватит.

— Детского питания не хватит.

— Ты же кормишь грудью.

— Не всегда хватает молока.
— Значит, чаще корми.
— Это так не работает.
— У всех раньше работало.
Лина закрыла холодильник.
— Дай карту. Я закажу доставку.
— На твоей деньги есть.
— Они нужны на подгузники и лекарства.
— А мои на стройку.
— Пиво ты купил.
— Не начинай.
— Я не начинаю. Я говорю, что ребёнку нужно питание.
— Закажи. Я потом переведу.
— Когда?
— Когда зарплата придёт.
— Она пришла вчера.
Алексей посмотрел на неё.
— Ты следишь за моей зарплатой?
— Ты сам сказал дату.
— Деньги уже распределены.
— На что?
— Не твоё дело.
— Мы семья, когда нужны мои деньги. А твои — не моё дело?
Его лицо изменилось.
— Вот опять ты всё сводишь к деньгам.
Лина почти рассмеялась.
Не от веселья.
От точности происходящего.
— Я свожу к детскому питанию.
— Покупай. Я что, запрещаю?
— На какие деньги?
— На свои.
— А когда мои закончатся?
— Значит, надо больше зарабатывать.
Юля лежала у неё на руках.
Павел стоял в коридоре.
За окном темнело.
Камера на кухне продолжала смотреть.
— Я почти не сплю, — сказала Лина. — У меня двое детей, дом, готовка, уборка. Когда мне больше зарабатывать?
— Другие как-то успевают.
— Какие другие?
— Женщины.
— Какие именно женщины?
— Все.
Удобное множество.
Без лиц.
Без детей.
Без усталости.

Женщины, которые успевали всё и поэтому могли служить доказательством того, что Лина просто недостаточно старается.

— Ты можешь иногда заниматься Юлей, — сказала она.

— Что значит «заниматься»?

— Поддержать её. Покачать. Поменять подгузник. Остаться с ней, пока я работаю.

— Она орёт со мной.

— Потому что не привыкла.

— Вот пусть подрастёт.

— А до этого?

— Ты мать.

Он произнёс это так, словно назвал её обязанность, отменяющую все остальные обстоятельства.

— А ты отец.

— Я обеспечиваю.

Лина посмотрела на холодильник.

— Детское питание заканчивается.

Он резко встал.

— Закажи уже это питание! Сколько можно из одной банки делать трагедию?

Юля заплакала.

Павел отступил в комнату.

Лина молча открыла приложение магазина и оплатила заказ своей картой.

Алексей ушёл во двор.

Через несколько минут оттуда донёсся стук молотка.

Он снова нашёл себе работу.

Лина — тоже.

Только свою работу он называл вкладом в семью.

Её — естественным порядком вещей.

Ночью Юля долго не засыпала.

Лина носила её по комнате. Алексей лежал, отвернувшись к стене.

— Может, живот болит, — прошептала Лина.

— Дай лекарство.

— Я дала.

— Тогда покорми.

— Кормила.

— Не знаю.

Он накрыл голову подушкой.

Лина вышла в коридор.

Красная точка повернулась к ней.

Павел сидел на кровати. Дверь его комнаты оставалась открытой.

— Она плачет? — спросил он.

— Сейчас успокоится.

— Дай мне.

— Ты спи.

— Я подержу.

Лина осторожно передала ему сестру.

Павел прижал девочку к груди и начал медленно покачивать.

— Тише, Юль. Все спят.

Плач стал слабее.

— Видишь, — прошептал он. — Она меня знает.

— Конечно знает.

— А Алексея?

Лина не ответила.

Юля открыла глаза и посмотрела на брата.

Павел улыбнулся.

— Она маленькая. Ей всё равно, полезный я или нет.

У Лины сжалось горло.

— Откуда ты это взял?

— Он говорил про людей.

— Не слушай всё, что говорит Алексей.

— Но это правда? Люди общаются, только если им что-то нужно?

— Нет.

— А зачем тогда?

Лина села рядом.

— Потому что любят. Потому что скучают. Потому что рядом с человеком хорошо.

Потому что ему плохо и не хочется оставлять его одного. Потому что он существует.

— Даже если ничего не делает?

— Даже если ничего.

Павел посмотрел на спящую сестру.

— А дядя Юра уже ничего не мог делать.

— Да.

— Ты всё равно к нему ходила.

— Потому что он был человеком.

— А Алексей не ходил.

Лина закрыла глаза на секунду.

— Алексей по-своему относился к нему.

— Что значит «по-своему»?

Она не знала.

Этими словами взрослые часто прикрывают то, чему не могут найти честного названия.

Любит по-своему.

Заботится по-своему.

Воспитывает по-своему.

Словно любое причинённое страдание становилось допустимым, если перед ним поставить это удобное выражение.

— Это значит, что я не могу объяснить, — сказала Лина.

Павел кивнул.

Юля уснула у него на руках.

— Спасибо, — прошептала Лина.

— За что?

— За помощь.

— Я не поэтому.

— А почему?

Он пожал плечами.

— Она моя сестра.

Самый простой ответ снова дал ребёнок.

Без расчёта.

Без назначения.

Без ожидания встречной услуги.

Когда дети уснули, Лина прошла на кухню.

Камера следила за ней.

Она открыла заметки.

Под прежними записями появилась новая таблица.

Сергей — камеры.

Вадим — машина и прицеп.

Игорь — электричество.

Санька — стройматериалы.

Тётя Нина — наблюдение за домом, участок.

Дядя Юра — половина дома, документы, имущество.

Лина долго смотрела на последнюю пустую строку.

Потом написала:

Лина — дети, дом, деньги, работа, порядок.

Ей стало холодно.

Она хотела стереть запись.

Не потому, что считала её неправдой.

Потому что после неё оставался вопрос, к которому Лина пока не была готова:

Если я перестану выполнять всё это, зачем я ему буду нужна?

Она закрыла телефон.

На тёмном экране отразилась красная точка камеры.

Лина снова посмотрела на список.

Возле каждого имени стояло назначение.

Кроме одного.

Она добавила:

Алексей — ?

Курсор мигал.

Как будто ждал ответа.

Для чего он был нужен ей?

Раньше Лина знала.

Чтобы больше не быть одной.

Чтобы у Павла появился мужчина рядом.

Чтобы у семьи был дом.

Чтобы кто-то сказал: «Я отвечаю».

Чтобы часть тяжести можно было положить на чужие плечи.

Но тяжесть никуда не исчезла.

Её стало больше.

Дом требовал работы.

Алексей — денег.

Камеры — отчётов.

Его настроение — постоянного внимания.

Его гнев — предупреждения.

Его спокойствие — платы.

Лина медленно написала:

Алексей — обещание, что я больше не одна.

Посмотрела на спящий дом.

Затем добавила:

Но я всё равно одна.
Она сохранила запись.

В стене раздалась три удара.
Лина замерла.
Тук.
Тук.
Тук.
Соседняя половина была пуста.
Она встала и подошла к стене.
Приложила ладонь к холодной поверхности.
— Вы там? — прошептала она.
Ответа не последовало.
На мгновение ей показалось, что под рукой дрогнула штукатурка.
Потом камера в кухне повернулась.
Механизм тихо щёлкнул.
Лина убрала ладонь.
На полу возле стены лежал небольшой сложенный лист.
Она не видела его раньше.
Подняла.
Это была старая записка Юры.
Та самая, которую она хранила среди документов.
Крупные неровные буквы:
КАМЕРЫ НЕ ВИДЯТ ВСЁ.
НО ОН ДУМАЕТ, ЧТО ВИДЯТ.
ПОТОМ.
Лина оглянулась на сумку.
Она стояла в спальне.
Записка не могла оказаться здесь.
Лина развернула лист полностью.
На обратной стороне проступали новые слова.
Сначала бледные.
Потом всё темнее:
ОН ВИДИТ В ЛЮДЯХ ТО, ЧТО МОЖЕТ ВЗЯТЬ.
Ниже появилась вторая строка:
НЕ ПОКАЗЫВАЙ, ЧТО РЕШИЛА ЗАБРАТЬ СЕБЯ.
Лина перечитала дважды.
Буквы начали исчезать.
Через несколько секунд обратная сторона снова стала пустой.
Она сложила лист и прижала к груди.
Красная точка смотрела прямо на неё.
— Я ничего не решила, — тихо сказала Лина.
Потом улыбнулась.
Камере.
Дому.
Будущему, которое пока не существовало.
И самой себе.
Это была вторая правильная ложь.

Глава 22. Цена полезности

Разговор о разводе начался с подгузников.

Лина сказала, что нужно заказать две большие упаковки: так выходило дешевле, а Юля росла быстро, и меньший размер уже оставлял красные следы на коже.

Алексей посмотрел на цену в её телефоне.

— Две зачем?

— Я же объяснила. Так дешевле.

— Дешевле было бы одну взять.

— За одну штуку — дороже.

— Зато сейчас заплатишь меньше.

— А через неделю придётся заказывать снова.

Он отхлебнул пиво и вернул ей телефон.

— Делай как хочешь. Всё равно мои слова ничего не значат.

Лина замерла.

Она уже знала эту интонацию.

Разговор начинался с конкретной вещи — подгузников, продуктов, куртки Павла, лекарств или школьных расходов. Потом предмет исчезал. Вместо него возникала семья целиком.

Неблагодарная жена.

Бесполезные траты.

Разрушающийся дом.

Будущее, которое почему-то держалось исключительно на способности Лины отдать последние деньги.

— Я не сказала, что твои слова ничего не значат.

— Зато поступаешь всегда по-своему.

— Потому что подгузники покупаю я.

— Вот. «Я». «Мои деньги». «Мои дети». Семья у тебя только тогда семья, когда тебе удобно.

Лина посмотрела на кровать.

Юля спала, поджав кулачки к подбородку. На щеке остался след от простыни.

— Лёш, мы говорим о подгузниках.

— Нет. Ты говоришь о том, что сама всё решаешь.

— Потому что ты ими не занимаешься.

— Я зарабатываю.

— Я тоже.

— Уже почти нет.

Фраза прозвучала негромко.

Именно поэтому ударила сильнее.

— Что значит «почти»?

— То и значит. Раньше ты нормально работала. Сейчас от тебя одни разговоры, что не успеваешь.

— У меня младенец.

— У всех младенцы.

— У кого — у всех?

— У женщин.

Снова эти женщины без лиц.

Они не спали ночью, кормили детей, готовили, убирали, работали, помогали мужьям со стройкой и никогда не уставали.

Лина ни разу их не видела.

Но Алексей постоянно ставил их ей в пример.

— Я не собираюсь экономить на ребёнке, — сказала она.

— А на семье, значит, можно.

— Подгузники покупаются для семьи.

— Дом тоже для семьи строится.

Теперь он подошёл к главному.

Лина почувствовала это сразу.

— Сколько тебе нужно?

Алексей не ответил мгновенно.

Сделал ещё один глоток.

— Я не прошу.

— Ты именно просишь. Просто не называешь сумму.

— Если ты сама не понимаешь, объяснять бесполезно.

— Назови сумму.

Он назвал.

Лина открыла банковское приложение.

Денег на карте хватало.

Но если она переведёт их, до следующего поступления останется совсем немного. Нужно купить подгузники, смесь, продукты и оплатить Павлу занятия.

— Я не могу столько отдать.

Лицо Алексея изменилось.

— Почему?

— Потому что деньги нужны детям.

— Опять.

— Что — опять?

— Детьми прикрываешься.

Лина не поверила, что услышала правильно.

— Прикрываюсь?

— Каждый раз одно и то же: Паше куртка, Юле питание, лекарства, школа. Можно подумать, другим детям ничего не покупают.

— Покупают.

— И дома строят.

— Не за счёт еды.

Алексей резко поставил бутылку.

Юля вздрогнула во сне.

— Значит, этот дом тебе не нужен.

— Я этого не сказала.

— Всё ты сказала.

— Мне нужен дом, в котором дети не остаются без необходимого.

— Снова красивые слова.

— Это обычные слова.

— Нет. Обычная жена поддержала бы мужа.

— А обычный муж купил бы дочери подгузники и не называл это пустой тратой.

Алексей поднялся.

— Тогда зачем мы вообще вместе?

Вот оно.

От подгузников — к разводу.
Несколько фраз.
Ни одного перехода.
— Ты сейчас серьёзно? — спросила Лина.
— Абсолютно.
— Мы должны развестись, потому что я не дала тебе деньги на материалы?
— Не из-за денег.
— А из-за чего?
— Из-за отношения.
— Какого?
— Ты не семья.
Он вышел во двор.
Через минуту заработал шуруповёрт.
Разговор закончился для него.
Для Лины только начался.

Она заказала одну упаковку подгузников.
Не две.
Потом долго смотрела на сумму, оставшуюся на карте.
Денег было достаточно, чтобы перевести Алексею хотя бы часть.
Если она это сделает, вечером он станет спокойнее.
Возможно, принесёт продукты.
Скажет, что вспылil.
Обнимет.
Тема развода исчезнет на несколько дней.
Лина знала это.
Именно знание делало перевод похожим не на поддержку мужа, а на плату за тишину.
Телефон лежал в ладони.
Поле для суммы было открыто.
Оставалось нажать несколько цифр.
Юля проснулась и заплакала.
Лина закрыла приложение.

К обеду Алексей не вернулся.
Обычно он заходил поесть, даже если был занят во дворе. Сегодня демонстративно продолжал работать.
Лина приготовила суп.
Позвала Павла.
— А Алексей?
— Во дворе.
— Его не звать?
— Я позову.
Она вышла на крыльцо.
Алексей стоял возле сарая. Наушники защищали уши от шума инструмента. Рядом находилась открытая бутылка.
— Обед готов.
Он не отреагировал.

Лина подошла ближе.

— Лёш!

Алексей выключил инструмент и снял один наушник.

— Что?

— Есть будешь?

— Не хочу.

— С утра ничего не ел.

— Это теперь тоже твоя проблема?

— Я просто спросила.

— Вот и получила ответ.

Он снова надел наушник.

Лина вернулась в дом.

Павел сидел за столом.

— Он не придёт?

— Нет.

— Из-за подгузников?

— Ты слышал?

— Он громко говорил.

Лина налила сыну суп.

— Это не из-за подгузников.

— А из-за чего?

Она хотела сказать: из-за денег.

Но боялась, что Павел начнёт экономить на себе.

Откажется от куртки.

От занятий.

От еды в школьной столовой.

Дети быстро учатся считать себя причиной родительских конфликтов.

— У взрослых свои сложности, — ответила она.

— Он сказал, что ты не семья.

— Он рассердился.

— А когда злой, можно говорить неправду?

Лина поставила перед ним хлеб.

— Нельзя.

— Тогда зачем он говорит?

— Чтобы сделать больно.

Признав это, она почувствовала облегчение.

Больше не нужно было объяснять его слова усталостью, обидой или неудачной формулировкой.

Он говорил о разводе не потому, что хотел уйти.

А потому, что знал: Лина боится разрушения семьи.

— А зачем делать больно тому, кого любишь? — спросил Павел.

— Иногда люди думают, что так заставят другого поступить по-своему.

— Получается?

Лина посмотрела на телефон.

— Иногда.

— А ты поступишь?

Она не ответила.

До вечера Алексей не произнёс ни слова.
Ходил мимо Лины.
Открывал холодильник.
Проверял камеры.
Разговаривал с Павлом только короткими командами:
— Убери.
— Подними.
— Закрой.
— Не шуми.
Молчание распространялось по дому, как холод.
Лина чувствовала себя виноватой, хотя знала, что ничего плохого не сделала.
Ей хотелось вернуть обычный голос Алексея.
Даже его замечания казались лучше этого демонстративного отсутствия.
После ужина она снова открыла банковское приложение.
Ввела сумму.
Меньше той, которую он просил.
Но достаточно большую, чтобы на карте стало тревожно пусто.
Несколько секунд смотрела на кнопку подтверждения.
Потом нажала.
Из комнаты Алексея донёсся короткий сигнал.
Лина ждала.
Через минуту он появился на кухне.
Лицо уже не было холодным.
— Перевела?
— Да.
— Зачем? Я же не просил.
— Просил.
— Я сказал, сколько нужно на материалы. Это не одно и то же.
Он сел напротив.
— Ты только половину отправила.
— Больше не могу.
— Ладно. Что-нибудь придумаю.
Голос стал обычным.
Будто утреннего разговора не было.
— Ты говорил о разводе, — напомнила Лина.
Алексей поморщился.
— Опять начинаешь?
— Я хочу понять.
— Что понимать? На эмоциях сказал.
— Почему у тебя эмоции прошли после перевода?
Он посмотрел на неё.
— Не после перевода.
— А после чего?
— После того, как ты показала, что тебе не всё равно.
— Деньгами?
— Поступком.
— Если я перевожу деньги, значит, люблю тебя?
— Не передёргивай.
— А если не перевожу — значит, не семья?

— Я этого не говорил.
— Ты сказал именно это.
— Я сказал, что семья должна поддерживать.
— Поддерживать можно только деньгами?
— В нашем случае — да. Что ты ещё можешь сделать для стройки?
Лина замерла.
Вопрос прозвучал прямее, чем он, возможно, хотел.
— Значит, речь всё-таки о пользе.
— О какой ещё пользе?
— О том, что каждый человек должен быть тебе за чем-то нужен.
— Лина, нормальные отношения всегда строятся на взаимности.
— Где здесь взаимность?
— Ты живёшь в моём доме.
— Я веду этот дом.
— Потому что ты в нём живёшь.
— Я занимаюсь детьми.
— Потому что ты мать.
— Я даю деньги на стройку.
— Потому что это наше будущее.
Каждый её вклад мгновенно превращался в естественную обязанность.
Каждый его — в доказательство любви.
— А что ты делаешь для меня? — спросила Лина.
Он не ответил сразу.
— Я дал тебе семью.
Эта фраза уже звучала раньше.
Теперь Лина слышала её иначе.
Не как обещание.
Как счёт.
Алексей наклонился и поцеловал её в висок.
— Хватит выяснять. Всё нормально.
— До следующего раза?
— Какого следующего раза?
— Когда тебе понадобятся деньги.
Он выпрямился.
На мгновение прежний холод вернулся.
Потом Алексей вздохнул.
— Ты не умеешь просто радоваться хорошему.
Он вышел.
Лина посмотрела на банковское приложение.
Цифры уменьшились.
Напряжение в доме — тоже.
Цена спокойного вечера была указана точно.

Следующие несколько дней Алексей снова стал прежним.
Не тем, с которым Лина жила каждый день.
Тем, которого она когда-то полюбила.
По дороге с работы привёз яблоки.
Купил Павлу новые перчатки.

Подержал Юлю несколько минут, пока Лина принимала душ.
Даже камеры проверял реже.

— Видишь, — сказал он вечером, — можем же нормально жить.

— Можем.

— Если не придумывать проблемы.

Он улыбнулся.

Лина тоже.

Но теперь внутри неё работал невидимый счётчик.

Три дня спокойствия.

На четвёртый Алексей положил перед ней список материалов.

— Нужно заказать до конца недели.

Лина посмотрела на сумму.

— У меня нет столько.

— Скоро придут деньги.

— Они уже распределены.

— Куда?

— Питание Юли, коммунальные, школа, продукты.

— А дом?

— Подождёт.

— Дом не может ждать.

— Почему?

— Цены растут.

— Дети тоже растут.

— Опять начинаешь сравнивать.

— Я не сравниваю. Я выбираю, что сейчас важнее.

— Кто дал тебе право решать одной?

Лина почти ответила: *моя карта*.

Но знала, что эти слова запустят новый круг.

— Мы можем обсудить.

— Я уже всё посчитал.

— Тогда это не обсуждение.

Алексей забрал лист.

— Знаешь, я иногда думаю, что нам действительно лучше развестись.

Вот так.

Буднично.

Между ужином и мытьём посуды.

— Почему? — спросила Лина.

— Мы по-разному смотрим на жизнь.

— Ты снова заговорил об этом, когда я отказалась дать деньги.

— Деньги здесь ни при чём.

— Тогда давай проверим.

— Что проверить?

— Я сейчас переведу тебе сумму. Если через пять минут ты перестанешь хотеть развода, значит, дело в деньгах.

Алексей усмехнулся.

— Бред какой-то.

— Боишься?

— Чего мне бояться?

— Что я окажусь права.

Его лицо стало жёстким.
— Ничего мне не переводит.
— Хорошо.
— Я серьёзно.
— Я тоже.
— Оставь свои деньги себе.
— Оставлю.

Он не ожидал этого ответа.

Лина увидела.

Несколько секунд Алексей молчал, будто ждал, что она испугается и начнёт исправлять ситуацию.

Она не начала.
— Тогда разговор закончен, — сказал он.
— Хорошо.
Он вышел во двор.
На этот раз Лина не пошла следом.

Вечером Павел нашёл её на кухне.

Она сидела возле окна и смотрела на дождь.

Посуда оставалась в раковине.

Впервые Лина не стала мыть её сразу.

— Ты плакала? — спросил Павел.

— Нет.

— Глаза красные.

— Устала.

Он сел рядом.

— Вы разведётесь?

Лина повернулась к нему.

— Не знаю.

— Алексей говорит это, когда ты не даёшь деньги.

Она почувствовала, как внутри всё сжалось.

Ребёнок заметил закономерность раньше, чем она решилась её признать.

— Ты давно это понял?

— Он потом становится добрым.

— После денег?

— Да.

Павел положил на стол синюю машинку.

Колесо снова держалось плохо.

— Если я отдам ему свои накопления, он перестанет злиться?

— Нет.

— У меня немного.

— Ты ничего ему не отдашь.

— Тогда он нас выгонит?

— Не выгонит.

Ответ прозвучал автоматически.

Но Лина вспомнила, как легко Алексей превращал угрозу в способ добиться желаемого.

— А если выгонит? — спросил Павел.

Она взяла сына за руку.

— Тогда мы уйдём.
— Куда?
— Найдём куда.
— Вместе?
— Всегда вместе.
Он кивнул.
— И Юля?
— Конечно.
— Тогда не давай ему мои деньги.
— Не дам.
Павел взял машинку и ушёл.
Лина осталась у окна.
Она только что пообещала сыну, что они смогут уйти.
Не в шутку.
Не во сне.
Вслух.
Даже если пока не знала как.

Следующее поступление пришло через неделю.
Алексей узнал об этом почти сразу.
Вероятно, запомнил предполагаемую дату.
— Деньги пришли? — спросил он.
— Часть.
— Сколько?
— Пока немного.
— Переведёшь?
Лина кормила Юлю.
— Нет.
— Почему?
— Потому что они нужны детям.
— Мы это уже проходили.
— Именно.
Он сел напротив.
— Я не собираюсь каждый раз унижаться и просить.
— Не проси.
— Значит, стройка останавливается.
— Пусть.
— И тебе нормально?
— Да.
Алексей несколько секунд смотрел на неё.
— Тогда я вообще не понимаю, зачем мы живём вместе.
— Из-за стройки?
— Из-за твоего отношения.
— Какого?
— Ты тянешь всё в свою сторону.
— Я покупаю еду и одежду детям.
— Как будто я им ничего не покупаю.
— Когда ты в последний раз покупал Павлу одежду?

Он нахмурился.

— При чём здесь Паша?

— А Юле?

— Ты сама выбираешь. Я откуда знаю, что нужно?

— Можно спросить.

— Вот ты и купи. Я занимаюсь более крупными вещами.

— Домом?

— Будущим.

— А дети живут сейчас.

Юля уснула у груди.

Лина осторожно поднялась.

— Разговор закончен.

— Я решу, когда он закончен.

Раньше эта фраза заставила бы её остановиться.

Теперь она прошла мимо.

— Лина.

Она не обернулась.

— Если уйдёшь сейчас, можешь не возвращаться.

Шаги замерли сами.

Алексей ждал.

Лина почувствовала, как старый страх поднимается внутри.

Остаться без дома.

Без поддержки.

С двумя детьми.

Признать ошибку.

Начинать заново.

Он знал, где находится этот страх.

И нажимал на него каждый раз, когда требовались деньги или уступка.

Лина медленно повернулась.

— Ты правда хочешь, чтобы я ушла?

В его глазах мелькнула растерянность.

Только на мгновение.

— Я хочу, чтобы ты поняла последствия своего поведения.

— Я спросила другое.

— Не устраивай театр.

— Ты хочешь развода?

— Если ничего не изменится, он неизбежен.

— Что должно измениться?

— Твоё отношение к семье.

— Назови конкретно.

— Ты должна перестать делить всё на «моё» и «твоеё».

— Тогда дай мне доступ к своей карте.

Он усмехнулся.

— Зачем?

— Чтобы не было «моего» и «твоего».

— Мне нужно оплачивать материалы.

— А мне — детей.

— Ты не умеешь распределять деньги.

— Поэтому должна отдавать их тебе?

— Поэтому решения должен принимать тот, кто понимает, что важнее.
— То есть ты.
— Если ты сама не справляешься.
Юля зашевелилась на руках.
Лина посмотрела на дочь.
— Я справляюсь.
— Не похоже.
— Я не переведу деньги.
Алексей изменился в лице.
Не закричал.
Просто стал чужим.
— Хорошо, — произнёс он. — Запомни этот разговор.
— Я запомню.
Лина вернулась в спальню.
На этот раз он её не остановил.

До конца дня Алексей демонстративно разговаривал по телефону.
Громко, чтобы Лина слышала.
Обсуждал стройку.
Жаловался, что «всё приходится тянуть одному».
Говорил, что некоторые люди обещают быть семьёй, а потом думают только о себе.
Имён не называл.
Не требовалось.
Павел сидел в комнате с открытой дверью.
Лина готовила ужин.
Юля лежала в кровати.
Камера медленно переводила взгляд с одного на другого.
Дом фиксировал обычный семейный вечер.
Не видел только одного:
Лина больше не пыталась вернуть Алексею хорошее настроение.
Она не оправдывалась.
Не переводила деньги.
Не предлагала поговорить.
Не доказывала, что любит.
После ужина Алексей сам подошёл к ней.
— Так и будешь молчать?
— А что говорить?
— Не знаю. Обычно у тебя много слов.
— Ты сказал, что развод неизбежен.
— Если ничего не изменится.
— Я слышала.
— И?
— Ничего.
Его раздражение усилилось.
— Тебе всё равно?
— Нет.
— Тогда почему сидишь спокойно?
Лина посмотрела на него.

Потому что наконец увидела механизм.

Угроза работала только до тех пор, пока она спешила её отменить.

— А что я должна сделать? — спросила она.

— Сама подумай.

— Перевести деньги?

— Опять ты за своё.

— Тогда скажи.

Он не сказал.

Не мог.

Потому что честный ответ разрушил бы всю конструкцию.

— Вот видишь, — произнесла Лина. — Ты сам не знаешь, чего хочешь.

— Я хочу нормальную семью.

— В которой все деньги отдаю тебе?

— В которой жена поддерживает мужа.

— А муж жену?

— Я тебя поддерживаю.

— Как?

— Ты живёшь в моём доме.

Снова счёт.

Ключ.

Крыша.

Стены.

Всё, что когда-то казалось подарком, постепенно превращалось в задолженность.

— Хорошо, — сказала Лина.

— Что хорошо?

— Я поняла.

— Что именно?

— Ничего.

Она взяла Юлю и ушла в спальню.

Ночью ей приснились весы.

Они стояли посреди гостиной.

На одной чаше лежали деньги.

На другой — слово:

ЛЮБОВЬ.

Пока деньги оставались на месте, слово было тяжёлым. Чаша не поднималась.

Лина убрала одну купюру.

Слово стало легче.

Убрала вторую.

Чаша поднялась выше.

Девочка стояла возле весов и наблюдала.

— Это значит, что он никогда меня не любил? — спросила Лина.

— Нет.

— Тогда что?

— Что ты слишком долго измеряла любовь его хорошим настроением.

— Он становится добрым, когда я помогаю.

— Он становится удобным, когда получает желаемое.

— Разве это не одно и то же?

— Нет.

Лина убрала с чаши последние деньги.

Слово **ЛЮБОВЬ** стало почти невесомым и поднялось к потолку.

— Почему оно исчезает?

— Потому что любовь, которую нужно постоянно оплачивать, заканчивается вместе с переводами.

— А если я снова положу деньги?

— Она вернётся.

— Значит, я могу всё исправить.

Девочка посмотрела на неё.

— Ты можешь снова заплатить.

— А разница?

— Исправленное остаётся исправленным. Купленное требует следующего платежа.

Весы исчезли.

На их месте стояли две двери.

На первой:

ЗАПЛАТИТЬ ЗА ТИШИНУ.

На второй:

УСЛЫШАТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ БЕЗ НЕЁ.

— Что будет за второй? — спросила Лина.

— Сначала станет громче.

— А потом?

— Ты перестанешь бояться шума.

Лина проснулась от голоса Алексея.

Он говорил по телефону на кухне.

— Нет, пока не перевела... Да я не собираюсь просить... Если человек не понимает сам, значит, бесполезно объяснять...

Лина лежала неподвижно.

Неизвестно, кому он звонил.

Возможно, другу.

Возможно, говорил специально достаточно громко.

— Конечно, всё может закончиться... Я никого держать не буду...

Она посмотрела на Юлю.

Девочка спала.

Из комнаты Павла не доносилось ни звука.

Телефон Лины лежал на тумбочке.

Она открыла банковское приложение.

Деньги были на месте.

Потом открыла заметки.

Под списком людей и их назначений написала:

Когда я перевожу деньги, разговоры о разводе прекращаются.

Следующая строка:

Когда отказываюсь, семья снова «разрушается».

Она немного подумала и добавила:

Проверить: больше не переводить.

Это выглядело почти как эксперимент.

Но на самом деле было решением.

Не окончательным.

Не громким.

Без собранных сумок и открытых дверей.

Лина просто перестала платить за временное спокойствие.

С кухни донёлся голос Алексея:

— Посмотрим, сколько она так выдержит.

Он думал, что разговаривает достаточно тихо.

Лина услышала.

Закрыла приложение и положила телефон на место.

За стеной раздались три коротких удара.

Тук.

Тук.

Тук.

Она не знала, были ли это трубы, память о Юре или дом снова пытался предупредить её.

Но теперь предупреждение больше не требовалось.

Лина уже видела закономерность.

Через несколько дней Алексей заметит, что денег нет.

Начнёт проверять.

Задавать вопросы.

Смотреть внимательнее.

Дом повернёт к ней все свои глаза.

А пока красная точка в коридоре горела неподвижно.

Она ещё не знала, что внутри послушной женщины появилось первое правило будущего побега:

деньги, которые она больше не отдаст, станут первыми деньгами на дорогу.

Глава 23. Дом замечает

Алексей заметил пропажу денег раньше, чем Лина успела привыкнуть к собственному решению.

Она не переводила ему ничего уже почти три недели.

Не потому, что денег стало больше.

Наоборот.

Заработок уменьшился. Юлия требовала постоянного внимания, Павлу нужно было помогать с уроками, а дом продолжал забирать время так, будто в нём жили не четыре человека, а несколько семей.

Но теперь Лина тратила деньги иначе.

Купила Павлу зимнюю куртку.

Заказала Юле питание и подгузники.

Оплатила лекарства.

Отложила небольшую сумму на карте, о которой Алексей не знал.

Эти деньги не были тайным капиталом.

Их не хватило бы даже на месяц самостоятельной жизни.

Но впервые заработанное Линой не превратилось в доски, цемент, металлический профиль или очередную конструкцию во дворе.

Деньги остались у детей.

И Алексей это почувствовал.

— Сколько тебе пришлось в этом месяце? — спросил он утром.

Лина кормила Юлю. Павел собирался в школу.

— Немного.

— Немного — это сколько?

— Я ещё не считала.

— Как можно не знать, сколько тебе заплатили?

— Можно. Мне пришлось несколько переводов.

— Покажи.

Лина подняла голову.

— Что?

— Приложение открой. Посмотрим.

— Зачем?

— Посчитаем нормально.

— Я сама посчитаю.

Алексей поставил кружку на стол.

— У нас теперь отдельные деньги?

— У нас всегда были отдельные карты.

— Я не про карты.

— А про что?

— Про семью.

Павел застёгивал рюкзак медленнее обычного.

— Паш, ты опоздаешь, — сказала Лина.

— Я готов.

— Тогда иди.

Мальчик посмотрел на Алексея.

— А завтрак?

— Возьми с собой яблоко.

— Он может поесть, — сказал Алексей. — Куда ты его выгоняешь?

— Я не выгоняю. Он не должен сидеть и слушать наш разговор о деньгах.

— Почему? Пусть знает, откуда всё берётся.

Павел замер.

Лина положила Юлю в кровать и подошла к сыну.

— Иди. Я положила бутерброд в боковой карман.

— Хорошо.

Он быстро надел куртку.

— Дверь закрой нормально! — крикнул Алексей ему вслед.

Хлопнул замок.

Через секунду телефон Алексея издал сигнал.

Камера над воротами зафиксировала движение.

Он посмотрел на экран, убедился, что Павел вышел со двора, и только потом вернулся к разговору.

— Покажи поступления.

— Нет.

Ответ прозвучал спокойнее, чем чувствовала себя Лина.

— Почему?

— Потому что это моя карта.

— Ты моя жена.

— Это не даёт тебе доступ к моему банковскому приложению.

— Значит, скрываешь.

— Я ничего не скрываю.

— Тогда покажи.

Старая ловушка.

Если скрывать нечего — докажи.

Если не хочешь доказывать — значит, виновата.

Лина уже знала: внутри этой конструкции не существовало правильного ответа. Любое объяснение становилось следующим поводом для проверки.

— Я купила детям всё необходимое, — сказала она. — Оплатила лекарства. Остальное оставила на питание.

— А дом?

— Что дом?

— На материалы нужно.

— Я больше не буду отдавать на стройку деньги, необходимые детям.

Алексей несколько секунд молчал.

— Понятно.

— Что именно?

— Всё.

Он взял кружку и вышел.

Не закричал.

Не хлопнул дверью.

И от этого стало тревожнее.

В тот день Алексей почти не разговаривал.

Он ходил между сараем и домом, приносил инструменты, открывал шкафы, что-то искал. Несколько раз заходил на кухню, смотрел на Лину и молча выходил.

Камеры тоже двигались чаще.

Когда Лина отнесла Юлю в спальню, объектив в коридоре повернулся вслед.

Когда вернулась на кухню — кухонная камера уже смотрела на стол.

Когда открыла шкаф с документами, механизм тихо щёлкнул над головой.

Лина замерла.

Она всего лишь искала медицинский полис Юли. На следующий день нужно было идти в поликлинику.

В папке лежали:

паспорта;

свидетельства о рождении;

страховые полисы;

медицинские документы;

свидетельство о браке;

бумаги на дом;

несколько старых справок.

Лина достала свидетельство Юли и полис.

Паспорт случайно сдвинулся к краю стола.

Камера повернулась ещё немного.

Лина посмотрела в объектив.

Красная точка горела ровно.

Она положила возле паспорта медицинскую карту, сделала снимок нужной страницы и вернула документы на место.

Телефон завибрировал.

Алексей.

Хотя он находился во дворе.

— Да?

— Что ищешь?

Лина подняла голову.

— Полис Юли.

— Зачем паспорт достала?

Она посмотрела на документ.

— Он рядом лежал.

— Ты его в руках держала.

— Я перекладывала бумаги.

— Куда-то собираешься?

Он произнёс это шутливо.

Почти.

— В поликлинику.

— С паспортом?

— Для записи иногда нужен документ.

— У тебя данные в телефоне есть.

— Лёш, что ты хочешь услышать?

На другом конце стало тихо.

— Ничего. Просто спросил.

— Ты увеличивал изображение, чтобы рассмотреть бумаги?

— А что?

— Камера стоит под потолком.

— У неё хорошее разрешение.

— Я не об этом.

— А о чём?

Лина посмотрела на объектив.

— Неважно.

— Вот именно.

Он завершил звонок.

Камера осталась направленной на стол.

Лина собрала документы медленно, стараясь не показать, как дрожат пальцы.

Теперь она знала: красная точка видела не только её перемещения.

Она могла читать названия документов.

Считать вещи в сумке.

Замечать, какие бумаги Лина достала и в каком порядке положила обратно.

Дом не просто наблюдал.

Он учился распознавать подготовку.

После обеда Алексей вернулся в дом.

От него пахло сырой древесиной и пивом.

— Где папка? — спросил он.

— Какая?

— С документами.

— В шкафу.

Он прошёл в спальню.

Лина слышала, как открылась дверца.

Потом задвинулся ящик.

Через несколько минут Алексей вернулся.

— Я её убрал.

— Куда?

— В надёжное место.

— Зачем?

— Чтобы не лежала на виду.

— Она лежала в шкафу.

— Камера показала, что ты всё раскидала.

— Я ничего не раскидывала.

— Паспорт на столе был.

— Несколько секунд.

— Этого достаточно, чтобы потерять.

Лина встала.

— Отдай папку.

— Зачем она тебе сейчас?

— Потому что там мои документы и документы детей.

— Они никуда не делись.

— Где они?

— У меня.

— Это не ответ.

— Будут нужны — дам.

Внутри Лины что-то оборвалось.

Не громко.

Без боли.

Просто одна из последних нитей, которыми она ещё связывала контроль Алексея с тревогой и заботой, больше не выдержала.

— Ты не имеешь права прятать мой паспорт.

— Я не прячу.

— Тогда скажи, где он.

— В безопасном месте.

— От кого безопасном?

Он посмотрел на неё внимательно.

— Вот именно это я и пытаюсь понять.

— Что?

— От кого ты собралась спасать документы.

Лина почувствовала, как холодеют руки.

— Я достала полис ребёнка.

— И паспорт.

— Случайно.

— И сумку вчера переставляла.

— Какую сумку?

— Тёмную.

Она не сразу поняла, о чём он говорит.

О той самой.

Из сна.

Из пролога будущего, которое ещё не существовало.

Сумка стояла в спальне возле шкафа. Утром Лина убрала её на другую полку, чтобы освободить проход.

— Она мешала, — сказала Лина.

— Раньше не мешала.

— Теперь стала мешать.

— И документы вдруг понадобились.

— У Юли приём.

— Я помню.

Он подошёл ближе.

— Лина, если ты что-то задумала, лучше скажи сейчас.

Красная точка в коридоре смотрела на них.

— Я задумала сходить с ребёнком в поликлинику.

— Только?

— Только.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Тогда нечего нервничать.

— Я не нервничаю.

— У тебя руки дрожат.

Лина сцепила пальцы.

— Я не выпалась.

— Отдохни.

Он поцеловал её в висок.

— Я же о вас забочусь.

И вышел.

Лина осталась стоять возле стола.

Теперь она точно знала:

документы нужно вернуть.

Не потом.

До того, как он решит, что ей нельзя доверять их совсем.

Вечером Алексей был почти весёлым.

Принёс продукты.

Положил на стол хлеб, молоко, колбасу, яблоки и банку детского питания.

Отдельно поставил две упаковки пива.

— Вот, — сказал он. — А ты переживала.

— Спасибо.

— Видишь, всё решается.

Он открыл одну бутылку.

— Если не устраивать конфликт на пустом месте.

Лина промолчала.

Павел пришёл из школы и сразу почувствовал напряжение.

— Можно я пойду к себе?

— Сначала переоденься, — сказал Алексей.

— Хорошо.

— Форму аккуратно повесь.

— Хорошо.

— И дверь оставь открытой.

— Хорошо.

Он повторял это слово так быстро, будто хотел закончить разговор прежде, чем появится новое требование.

Алексей посмотрел ему вслед.

— Воспитывается понемногу.

— Он боится тебя, — сказала Лина.

— Не выдумывай.

— Ты не видишь, как он меняется, когда тыходишь?

— Потому что знает: со мной номера не проходят.

— Какие номера?

— Ленился. Спорить. Делать вид, что не слышит.

— Он не делает ничего из этого.

— Ты мать. Ты всегда будешь защищать.

— А ты всегда будешь искать, за что наказать?

Алексей сделал глоток.

— Я его не наказываю.

— Пока.

Слово вырвалось само.

Он медленно поставил бутылку.

— Что значит «пока»?

Лина почувствовала опасность.

— Ничего. Просто не хочу, чтобы ты кричал.

— Я не кричу.

— Сейчас — нет.

— То есть ты уже заранее решила, что я начну?

— Лёш, давай не будем.

— Ты сама начала.

Из комнаты донёлся звук упавшей вешалки.

Алексей резко повернул голову.

— Что там?
— Ничего! — крикнул Павел.
— Если ничего, почему грохот?
— Вешалка упала.
— Подними нормально.
— Уже.
— И дверь почему наполовину закрыта?
Павел появился в проёме.
— Я переодевался.
— И что? Там камера не снимает.
Мальчик посмотрел на Лину.
Алексей заметил.
— На мать не смотри. Я с тобой разговариваю.
— Я дверь открыл.
— После того, как я сказал.
— Лёш, хватит, — произнесла Лина.
— Я спокойно объясняю.
— Он просто переодевался.
— В моём доме двери не закрывают без причины.
— Переодевание — причина.
— От кого ему прятаться?
— Он не прячется. Ему нужна личная жизнь.
Алексей усмехнулся:
— В его возрасте?
— Особенно в его возрасте.
— Вот вырастет — будет личная жизнь. Пока живёт с нами, должен быть под присмотром.
— Под присмотром или под контролем?
— Какая разница?
Вопрос прозвучал искренне.
Лина посмотрела на него.
Для Алексея разницы действительно не было.
Присматривать означало видеть.
Видеть означало знать.
Знать означало иметь право вмешиваться.
А вмешиваться — заботиться.
Так замыкался круг, внутри которого любое сопротивление превращалось в неблагодарность.
— Паша, иди доделывай уроки, — сказала Лина.
— Дверь, — напомнил Алексей.
Мальчик оставил её распахнутой.

Ночью Лина не спала.
Алексей положил телефон под подушку. Юлия несколько раз просыпалась. Павел долго ворочался в своей комнате.
Около двух дом наконец затих.
Лина лежала неподвижно и думала о документах.
Алексей мог спрятать их:

в сейфе;
в машине;
в металлическом шкафу в сарае;
в ящике с инструментами;
на своей половине шкафа;
в пустой комнате Юры.

Последнее место казалось наиболее вероятным.

После смерти дяди туда почти никто не заходил. Алексей держал дверь запертой, утверждая, что нужно разобрать вещи, но постоянно откладывал.

Ключи он носил с собой.

Лина посмотрела на брюки, сложенные возле кровати.

Связка лежала в кармане.

Она осторожно села.

Алексей не пошевелился.

Лина опустила ноги на пол.

В коридоре горела красная точка.

Если она выйдет, камера пришлёт уведомление. Телефон под подушкой завибрирует.

Она снова легла.

Значит, ночью документы не достать.

Нужно другое время.

Не когда Алексей спит.

Когда уверен, что Лина занята привычной ролью.

Готовит.

Убирает.

Кормит ребёнка.

Делает то, что он считает естественным и потому почти не замечает.

Эта мысль пришла спокойно.

Не как озарение.

Как ответ на давно решённую задачу.

Утром Лина приготовила омлет.

Алексей сидел на кухне с телефоном.

— Сегодня поедешь с нами в поликлинику? — спросила она.

— У меня дела.

— Тогда дай документы.

— Какие?

— Полис и свидетельство Юли. И мой паспорт на всякий случай.

— Зачем паспорт?

— В регистратуре могут спросить.

— Не спросят.

— Я возьму.

— Полиса хватит.

— Откуда ты знаешь?

— Я там был.

— С Юлей?

— Неважно.

— Дай документы.

Он посмотрел на неё.

— Ты чего завелась?
— Потому что мне нужно выходить через двадцать минут.
— Не надо командовать.
— Я не командую.
— Именно командуешь.
Юля заплакала в комнате.
Лина не пошла к ней сразу.
— Где папка?
— Сначала успокой ребёнка.
— Где мои документы?
Алексей поднялся.
— Лина, не доводи меня с утра.
— Ты спрятал мой паспорт.
— Я убрал его.
— Без моего согласия.
— Потому что ты стала вести себя странно.
— Как?
— Сумки переставляешь. Бумаги достаёшь. Деньги скрываешь.
— Я не обязана отдавать тебе всё, что зарабатываю.
— Вот. Началось.
— Это началось не сейчас.
— Иди к ребёнку.
Юля плакала всё громче.
Камера смотрела.
Павел стоял в коридоре, уже одетый в школу.
— Мам, я её покачаю, — сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.